

П Р О З А

Сергей КУЗНЕЧИХИН

Родился в 1946 г. в Костромской области. Детство и юность провёл в поселке Октябрь Некоузского района Ярославской области. Первые стихи напечатал в газете «Голос льновода». После окончания Ярославского политехнического института уехал в Свирск, потом в Красноярск.

Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Наш современник», «Предлог», «Коростель», «Арион», «Дети Ра» и др. Выпустил семь поэтических сборников и четыре книги прозы. Член Союза писателей России.

Мы публикуем главы из большой повести Сергея Кузнечихина «На торфу», в которой автор с мягкой иронией рассказывает о послевоенном детстве наших с вами земляков — обычных поселковых мальчишек, об их приключениях, взрослении и становлении характеров, о том, кто и как вписывался в тогдашнюю жизнь, из сегодняшнего дня обманчиво кажущуюся очень простой и незамысловатой.

На торфу

Главы из повести

Точное время

А начались мои приключения ещё до появления на свет. Тут и прапра, и дедушка, и папаня — все понемногу постарались. Наследства от Петуховых не остаётся, а от наследственности никуда не денешься. Чем богаты, как говорится...

© С. Д. Кузнечихин, 2012

Родился я в поезде, но это ничего не значит и к приключениям не имеет никакого отношения. Поезд — вполне нормальное место для рождения человека, которому суждено всю жизнь болтаться по вокзалам и гостиницам. Это ещё не начало приключений. Вся закавыка в том, что меня вообще быть не должно. Судите сами: отец вернулся с фронта первого сентября сорок пятого, а тридцатого декабря сорок пятого года я уже родился. Теперь отнимите. Странная цифра получается, не так ли? Пусть и записали меня на первое января нового года — всё равно не складывается и не вычитается. Правда, знал я одного химика, не из тех, что над пробирками колдуют, а из тех, что определённый отрезок жизни отдают на строительство химкомбинатов. Химик рассказывал, что родился четырёхмесячным и до получения паспорта его держали в банке со спиртом, потому он якобы и распохмелиться никак не может. Но химикам я никогда не верил и к спирту равнодушен — пиво предпочитаю. К тому же появился на белый свет, имея почти пять килограммов живого веса. Это я сейчас поисхудал, а тогда пухленький был, щёки со спины проглядывались, и крикливый — все проводницы сбежались. Так что походил я больше на десятимесячного, заждавшегося свободы. Но каждый лишний месяц был против меня.

В такой арифметике без алгебры не разберёшься.

И все-таки батя насчет моего происхождения не сомневался. Он знал, что появился я на свет благодаря жене майора Воскобойникова.

А история получилась такая.

Заняла батькина часть польский городишко. Вошли и остановились. Немцы, грешным делом, тоже умели воевать и отступали не так быстро, как нам хотелось бы. И вот заклинило. Время идёт. Победа близка, а смерть ещё ближе. Оттого и завелись шашни у командира части майора Воскобойникова с настоящей полячкой. Не выносил командир простоя. Да и полячка была с глазищами в пол-лица и волосами ниже колен. На войне — день за два, а военная любовь и того круче. Да тут ещё месяц март. Майор свою подругу подарками заваливает. Солдатам тоже кое-что перепадает. И муштры никакой. Хороши деньки — ни длинные, ни короткие, — только жаль, что мало их. Прошёл слушок, будто наступление готовится. Майор для прощания с панёнкой ящик шампанского раздобыл. Но тут уже заседания одно за другим пошли, майора туда-сюда теребят, вызвал он батю моего и велел отвезти ящик по адресу. Сел батя в танк и погнал. У него эта игрушка с пушкой послушнее лошади была. Он на ней и за водой ездил, и вдовам пахать помогал, и по снабжению мотался. Снабженец на такой машине намного обаятельнее выглядит, ему и отказать не у каждого язык повернётся.

Дорога до командирской крали была знакомая. Едет батя, соображает, как погалантнее подарок преподнести. В переулке перед домом притормозил, ящик, перевязанный бантом, подвесил к стволу своей элегантной машины и подкатил так, чтобы подарок аккуратно повис над подоконником — протягивай руки и бери... да помни блестящих русских офицеров и русских солдат-умельцев.

Жест изобразил, а оценить некому. Панночка моцион совершала. Посидел батя на крылечке, покурил — нет хозяйки. Что делать? Обрато везти? Но приказано было вручить, а военные приказы должны выполняться, иначе не победишь. Взял он тогда гвоздик, поковырялся в замке, и дверь открылась. Для хороших рук — это пара пустяков. Занёс шампанское в хоромы панские, огляделся — лепота. Только порядку маловато. В стенку огромные часы вмонтированы, амурами да венерами разукрашенные, а не тикают. Мастерской человек мимо сломанного механизма редко пройдёт, а если механизм ко всему ещё и диковинный, ненашенский какой-нибудь, тогда к любопытству и бахвальству примешивается. Что греха таить, есть такая слабость у моих предков. И решил батя удивить

командирскую зазнобу, повторить подвиг Левши и показать ей, что русский солдат не только стрелять умеет.

Голова у моего батяки шестьдесят первого размера, с такой, если даже на треть заполненной, можно в большие люди выйти, а у батяки значительно больше, чем на треть. Только образования серьёзного не хватает. Времена сложные были, дедка наш дома не сидел, воспитанием не занимался, и помощь от него нерегулярная, а семья большая, прокормиться трудно... Однако батя пять зим подряд бегал в волостную школу. Девять вёрст туда, девять — обратно. Учителей там было всего двое. Один вёл русский язык, историю и географию, второй — арифметику и физику. Просветители были братьями и, плюс ко всему, близнецами. Оттого у батяки и знания получились немного путаными: Пифагор у него вместо Ганнибала с римлянами воевал, а Исаак Ньютон папуасов от проказы лечил. Только и поправить его в том захолустье некому было. Мать хвасталась, что охмурила самого грамотного парня, который не только читать-писать — велосипеды умел рисовать. По тем временам велосипед был всё равно что для нас нынешних космический корабль. После братьев-близнецов отец ещё на курсах поучился, и этого ему хватило, чтобы стать великим специалистом по тракторам и заодно — первым парнем на селе. Благодаря стальным лошадам он и в тридцать седьмом на свободе удержался, когда деда и дядьку, бывшего командира полка, посадили. Кочевал из одной МТС в другую. Где ремонт, где посевная, где уборочная — специалист везде нужен. Дело сделал — и дальше, пока любознательные товарищи присмотреться не успели. Так и уцелел. Вышел из окружения с минимальными потерями. Один раз патефон в спешке оставили, потом сундук в дороге не укараулили. И сестра потеряла полтора года.

Каким образом, спрашиваете?

Самым нелепым. Она родилась в тридцать шестом. А в тридцать восьмом маманя по неграмотности растопила печку её метриками. С перепугу чуть в слезах не утонула. И немудрено — попадёшь в милицию, а там за потерю документа возьмут да и припаяют лет пять, если не больше... Батя, конечно, храбрился, утешал как мог. Только много ли сможешь, если не сегодня, так завтра в казённом доме поджидают. Но всё-таки придумал: переехали в соседнюю область, и он, ещё до устройства на работу, прямо с вокзала, заявился в больницу, выпил с кем полагается и получил справку, что в дороге у него родилась дочь. Восемнадцати месяцев как не бывало. Сестрицу такая потеря пока не удручает, омолаживает, можно сказать, но ближе к пенсии — как знать, там своя арифметика, и счёт в другую сторону пойдёт.

Но батя в той суматохе о её пенсии не думал, он и до своей-то не надеялся дожить. Одного посадили, другого сослали, третий без вести пропал... И надежда только на стальную лошадку, у которой черепашня скорость, и на госпожу удачу.

Однако вернёмся к часам, они, конечно, не велосипед и не трактор, но очень уж захотелось батю себя показать.

Открыл, значит, дверцу и прикидывает, как бы в механизм заглянуть: один шурупчик отвёрткой потрогал, другой — покрутил... и вдруг стена подалась.

Представляете?

Чуть нажал, и она поехала, как турникет на проходной, вокруг оси. Не вся стена, разумеется, а часы, вмонтированные в дверь. Повернулись, открыли проход, а дальше — ступеньки в тайник.

Завалилась суббота за пятницу.

Батя чуть было не сунулся туда, но вовремя унюхал запах табака, запах благородный, а майор Воскобойников кроме махорки ничего не признавал. Да и зачем ему в тайнике прятаться на завоёванной территории? Значит, кто-то чужой... Батя потянулся за автоматом да вспомнил, что в танке его оставил — неудобно же к даме с оружием.

Как быть?

На столе — патефон и ящик с шампанским. На полочке перед зеркалом — ножницы и одеколон.

Кстати, об одеколоне. Выпил батя на День танкиста. Нет, не одеколону. Наружные напитки он употреблял строго по назначению. Выпил нормальной русской водки. И захотелось ему ради праздника постричься. А парикмахерша сдобная, как французская булка. Пока простыней окручивала, нечаянно прижалась. Потом ещё раз. При её работе без этого не обойтись, особенно если выпуклые места в избытке. А много ли пьяному надо, чтобы воспылать. Облапил за талию — и на колени. Да просчитался — дамочка оказалась чьей-то верной супругой, и с характером. На его невинную шутку своей шуткой ответила. Сначала постригла под пионерскую чёлку, а потом вместо одеколону обрызгала какой-то вонючей пакостью. И батя с детской причёской и странным ароматом отправился в гости. Хорошо ещё не домой. Мама бы растолковала ему, с чем едят французские булки. Друзья-однополчане выручили, обрили под Котовского, а запах попробовали одеколоном перебить, но не получилось. С неделю благоухал. Но это уже после войны было... А что там, скажете, с тайником, в котором прятался неизвестный враг, а под рукой у бати всего и были только ножницы. Как, думаете, он выкрутился? А вот как.

Поставил немецкую пластинку. А сам бутылку в руки — и к часам.

Спрятался за ними и ждёт. Ждал недолго. Немец услышал свою музыку и понял это как приглашение: всё, мол, спокойно, прошу любить и жаловать. Он даже насвистывал, поднимаясь.

Ну а дальше, главное, не перестараться, рассчитать удар так, чтобы бутылку об голову не разбить и память из «языка» не вышибить.

Это у бати аккуратненько получилось.

Пленника связал, шампанское выпил.

Через неделю к ордену Красной Звезды представили. Батя, когда ещё патефон заводил, понял, что там офицер прячется, — не будет же командирская краля с солдатней путаться, но, чтобы в тайнике целый оберштурмбанфюрер сидел, да ещё с важными стратегическими документами, этого он не ожидал, это чистое везение.

Кстати, и майору Воскобойникову повезло — окажись немец по чину ниже, чем он, суда офицерской чести не миновать, быстренько бы подрыв авторитета пришили. Но майор и без суда скис. Мало того, что шуточки свои всегдашние позабыл, он и материться перестал. Всё чего-то думает, думает. А чего думать? Ордену завидовать не должен — свои в три ряда. Из-за крали расстраиваться — тоже не в его натуре. Но что-то с мужиком случилось. Смотреть больно. Того и гляди, под пулю подвернётся. Посоветовались солдаты, которые из старичков, — жалко терять боевого товарища в конце войны, — и велели бате переговорить с майором, снять камень с его души.

Майор словно ждал его. Без всяческих прелюдий налил две кружки до краев и говорит: «Езжай, Лука, в командировку в город Сыктывкар, живет там у меня жена законная, и есть подозрение, что не очень она скучает обо мне, езжай и разведай, у тебя нюх на этих тыловых оберштурмбанфюреров».

Но время-то военное, просто так не проедешь, поэтому выписали батьке командировку на Урал, не помню точно, в какой город, а по дороге он должен был заглянуть куда следует.

У жены майора Воскобойникова в городе Сыктывкаре никакого оберштурмбанфюрера батя не застал, и тайника у неё в квартире не было. Да и не шибко-то он искал, не в его характере шпионить за чужими жёнами. Тем более что благодаря этой прекрасной женщине выкроилась ночка домой заскочить. Рискованно, конечно, было, могли и за дезертира принять. Поэтому затемно пришёл и до рассвета вышел. Как будто и не было его.

Оттого и принялись соседи и кумушки считать да пересчитывать мои месяцы. Для мужиков аргументы найти нетрудно, а завистливой бабе рта не заткнёшь. Мать, бедняжка, на улицу выйти боялась. Сидит и ревет целыми днями. Тут уже и батька испугался, как бы от такой нервной перегрузки дурачок не родился. С маленьким приветом. Для нас, Петуховых, вроде как норма, но чтобы совсем дурак — это уже перебор. И плюнул он тогда на всю сплетённую свору одним плевком, погрузил свой табор в вагон — и айда в столичный город Москву.

Самую малость не доехали, всего триста километров. И во всём я виноват, потерпел бы немножко — и родился столичным жителем. Куда там — свободушки захотелось. Видать, и вправду маманькино нервное напряжение сказалось на моих умственных способностях...

Пришлось выходить на первой же станции. Ещё по дороге в больницу увидел бая, как трактор на буксире полторку тащит, и понял, что работа для него найдётся. На торфоразработке без трактора не обойтись, а трактору без механика... и подавно.

Здесь и завязли. В посёлке. На торфу.

Охота на моржа

Кто-то из мудрецов, Пушкин вроде, а может и Шопенгауэр, точно не помню, сказал, что слава — это яркая заплатка на грязной одежде. Им, конечно, виднее, хотя одежда, если очень грязная, она и без яркой заплатки в глаза бросается. Забавнее, когда наоборот. Ходил вроде нормальный аккуратненький человечек, а прилепили ему эту самую заплатку, — и понеслось... и одежда чистая вроде не к лицу, и портки через голову натягивает, и валенок вместо шляпы примеряет.

Медсестра в посёлке жила. Приехала после училища. Два года уколы ставила, и никто внимания не обращал. И вдруг по центральному радио объявление: «По заявке медицинского работника Веры Терликовой исполняется “Песенка Дженни”». Слышали такую песенку? Так-то вот! Она знала, что заказывать. Попросила бы — «Марина, Марина, Марина, приди на свиданье ко мне» — не больно бы разбежались, таких просителей и в городе полно. А в «Песенке Дженни» только название простенькое, даже вроде игривое, на иностранный манер, зато слова — самые те: «Там, где кони по трупам шагают, где всю землю окрасила кровь — пусть тебе помогает, от пуль сберегает моя молодая любовь». И припев подходящий — «Если ранили друга, перевяжет подруга горячие раны его». Как для медицинского работника такую песню не исполнить?

Не все, конечно, концерт слышали, в рабочий день случилось, но свидетелей хватило. Сам директор предприятия позвонил в амбулаторию и поздравил. Вечером в клуб пришла — сеанс на полчаса задержали. Володька-киномеханик вылез из будки и никак не мог пробиться к ней, чтобы расспросить, каким образом в передачу попала. Почтальонша потом рассказывала, что за неделю из посёлка на радио восемьдесят четыре письма отправилось. И все, разумеется, с заявками. Да без толку. Там, видно, решили, что для нашего посёлка достаточно Веры Терликовой. Ни одной песенки не спели. Хорошего понемногу. А водичка-то на Веркину мельницу — единственную уважили! Каждый вечер у общежития почётный караул под её окнами. Здоровенные парни в амбулаторию толпой на уколы валят. Да припоздали чуток. Состав уже скорость набрал. Теперь уже догонять надо и на ходу прыгать, а для этого и смелость нужна, и ловкость. Нет бы раньше угадать, когда она два года подряд на танцах в углу скучала, а в будние дни готовилась поступать

в институт и зубрила: уж, замуж, невтерпёж... А теперь новые правила и новые исключения. Разборчивая стала.

За неполный месяц дюжину женихов перебрала. И остановилась на инженереконструкторе. Не сказать, что самого видного или самого ловкого выбрала, она дальше смотрела. Через год у жениха срок отработки заканчивался и собирался он уезжать в родной город Златоуст, а может и в Лихославль, сейчас уже забыл, да какая разница — из нашего болота любая дыра с красивым названием столицей казалась. Конструктор поначалу сутулился от постоянного ожидания разговора с неудачниками. Дело понятное, могли встретить и проучить, а приезжего — сам бог велел. Но всё обошлось мирно. Радио все-таки, неизвестно, какие там порядки. Короче, успокоились. У конструктора уже и спина стала распрямляться, и в кино на последний сеанс не боялся ходить. Да и поселковая шпана в те годы незлопамятной была. Беда подкралась совсем с другой стороны.

В посёлок приехали снимать кино для телевидения. Человек пять прикатило, но особенно бросались в глаза двое: оператор с тоненькими усиками и в красном берете, весь из себя приклатнённый, и девица с огромной рыжей гривой, разгуливающая по улицам без платка. Не торопитесь с выводами — оператор на Верочку Терликову не позарился, а рыжая на конструктора и подавно.

Вы, наверно, думаете, что они приехали снимать какого-нибудь ударника семилетки? Начальство тоже так думало. А они направились к Лёхе-пожарнику. Мужик этот каждый день в проруби купался. Кто бы подумал, что за такую дурь в телевизор можно попасть? На посёлке к нему давно привыкли, а для городских оказалось в диковинку.

Узнали.

Раскудахтались.

Прикатили.

Пока они в доме приезжих размещались, председательница поселкового совета прилетела, Никодимова Прасковья Игнатьевна. В те годы она ещё сама бегала, а не к себе вызывала, молодая была, да и гости не совсем обычные. Прибежала и с порога: «Как так... почему пожарника, а не маяка производства?»

В маяках по добыче торфа Вовка Соловьёв числился, он и сейчас, как я слышал, из президиумов не вылезает — железный мужик, ведь знает, что всему посёлку известно, на чём держится его слава и сколько народу на эту славу горбатится, всё знает и хоть бы раз покраснел. Но приезжие на Соловья не клюнули. Их такими баснями давно закормили, до оскомины наелись. Тогда Никодимова побежала к пожарнику, чтобы успеть подготовиться к съёмкам, научить, о чём говорить, — проинструктировать, а заодно и определиться, есть ли у него в чём к незнакомым людям выйти, а то он и на работу, и в кино в одной и той же фуфайчонке, в пожарке выданной. Прасковья думала, что он пальто бережёт, а у него такого излишества и вовсе не оказалось. Ему-то и начхать, а ответственному работнику опять суется. Денег на покупку Лёха, конечно, не дал. Тогда она побежала в магазин, выбрала дорогое пальто с каракулевым воротником, точно такое же, как у собственного мужа, а деньги велела высчитывать у пожарника из зарплаты в течение года. Потом её личная портниха до утра подгоняла обнову к нестандартной фигуре неожиданного героя. Зато на съёмку пожарник заявился, как заправский барин, в пальто, надетом на голое тело, и в заграничных плавках, которые люди с телевидения привезли специально для него.

Съёмку назначили на два часа. Срок сообщили только активистам под строгим секретом, но разве такое утаишь?

Никодимова пришла намного раньше операторов, чтобы порядок навести, и всё равно опоздала. Народищу на водоёме собралось, аж лёд потрескивал. И не только мы, пацанва

любопытная, даже мужики из механических мастерских вывалили, прямо в спецовках, благо, что мастерские рядом. На этом Прасковья их и подловила: «Почему в рабочее время на улице прохлаждаетесь?» Достала блокнотик и давай прогульщиков переписывать. А куда против блокнотика?

Ванька рядом с прорубью место забил, чуть ли не с утра мёрз, а она его за ушко и на солнышко, остальные сами потеснились, чтобы возле проруби достойные люди встали, ну и Никодимова со своим благоверным в их числе. Мужичонка у Прасковьи щупленький, на голову ниже её, зато в белом кашне и при шляпе. Другие активисты тоже принарядились. Дело понятное: к фотографу идут, и то самое лучшее надевают, а здесь вся область любоваться будет, а может, и вся страна. Расфуфырились — ну и ладно, но толкаться-то зачем. Я место для знати освободить не успел, а мужик Никодимовой торопит, пихается, я поскользнулся — и бултых в прорубь, не с головой, слава богу, но валенки едва не утопил. Так я же и виноватым оказался. Обидно, стою, носом шмыгаю. Мужики на Никодимова, за грудки хватают — почто, мол, ребёнка обижаешь, его трясут, ну и мне пинкаря, чтобы под ногами не вертелся, не мешал справедливость восстанавливать.

У Никодимова же свои понятия о справедливости, ему дядя Вася Кирпичёв, милиционер наш, срочно понадобился. А тот, недолго думая, за кобуру схватился. До стрельбы, к нашему пацанскому сожалению, дело не дошло, зато крику было на все лады. Ум за разум у народа заехал. Один только Лёха-пожарник не волнуется. Стоит на краю проруби в плавках канареечного цвета, пузо волосатое почёсывает и милиционера успокаивает, пусть, мол, всем же сфотографироваться охота.

Пока готовились, пока прицеливались, кинокамера застыла, или ещё какая авария с ней приключилась, я в этой области не секу. Они, видать, тоже не самые великие специалисты, а если не к рукам, то и vareжки снимать бесполезно. Бедного Лёху раз пять в прорубь гоняли. Другой бы и с первого раза околел, а нашему пожарнику хоть бы хны. Здоровенный мужик был. Двухпудовкой, как детским мячиком, играл. Ручищи что бревна.

Глянула Верка на новую знаменитость и поняла, что поспешила с выбором. Конструктору сразу отставку — и всё своё очарование нацелила на пожарника. Не посмотрела, что и староват он для жениха, и с женой больше десяти лет прожил. Жена, как в народе женском говорится, не стена... Да и кто она такая — обыкновенная бабёнка, разве пара для человека, которого по телевизору собираются показывать? Кого из поселковых баб рядом с таким героем поставить можно? Некого, одна Верка Терликова достойна.

И загулял пожарник с медсестрой.

В то же самое время случилась в посёлке кража. Была при бане забегаловка, и кто-то её обчистил. Воры выдрали замок вместе со шкворнем и унесли три ящика водки. Кроме алкоголя, грешным делом, там и взять было нечего. Ночь для налёта выбрали метельную, следов никаких не осталось. Дядя Вася Кирпичёв покрутился возле бани в поисках вещественных доказательств, под прилавок в забегаловке залез, однако ни оторванных пуговиц, ни записных книжек, ни подозрительных окурков не нашёл. Выпил три кружки пива, потолковал с мужиками — на том и успокоился.

Налёт списали на заезжих воров. А в народе поговаривали, что напроказничал не кто иной, как Лёха-пожарник. Во-первых, замок с мясом выдрать — силёнка нужна. Во-вторых, никаких подозрительных незнакомцев в те дни никто не видел. А в-третьих, баня стояла рядом с пожаркой, и тот водоём с прорубью, в которую Лёха лазал, как раз между ними. Ну и самое главное — пришла одна тётка бельё полоскать в солнечный денёк, когда вода насквозь просвечивалась, глянула в прорубь, а на дне — бутылки закупоренные. Спустить их туда нетрудно, каждый смог бы, а кто, кроме Лёхи, достанет?

Уравнение с одним неизвестным. Закалочка, получается, шла по всем правилам: сначала ледяная водичка, потом — огненная. О таких опытах научную статью можно писать. Но поселковый фельдшер Филипп Григорьевич Недбайло писать не любил, у него другими заботами голова была забита. И дядя Вася Кирпичёв с прохладцей к писанине относился, стеснялся своей орфографии. А разговорчик по посёлку свободно гулял, и трудно было его не услышать. Но Прасковья сделала вид. И дядя Вася Кирпичёв увернулся. Не думаю, что со страху. Скорее всего, пожалели. Лёха на посёлке вроде балованного ребёнка был. Редко какая гулянка без него обходилась. Он и драку всегда разведёт и помирят. Он и силушкой потешит: вытащат мужики четыре двухпудовки, свяжут канатом, а Лёха выйдет и всё это хозяйство зубами поднимет — и в цирк ехать нет нужды.

Короче, народ поговаривал, а власти помалкивали. И все вместе ждали передачу по телевизору, каждый надеялся себя увидеть, пусть даже с самого что ни есть краешку.

А влюбленным было не до сплетен. Они и трезвые словно под хмельком. Живописная парочка организовалась. Он — квадратный, как канистра, и она — стройненькая, как рюмочка. Гуляют, милуются, но про передачу тоже не забывают, боятся, как бы не пропустить.

В то время на весь посёлок три телевизора было: один, неработающий, у директора школы, второй у Никодимовой, а третий у Вовки Соловьёва, на него все и надеялись.

Верка Терликова о свадьбе уже поговаривала. Да случилось происшествие. Возвращался пожарник с гулянки и уснул на дороге. Закалённому человеку всё равно где спать, никакие простуды не страшны, и всё бы ничего, если бы не мотоциклист. Какая уж нелёгкая занесла его ночью на дорогу? Только прокатилась коляска по сонному лицу пожарника. Пока Лёха в себя приходил, мотоциклиста и след простыл. Исчез как не было. И передних зубов как не бывало. Представляете, такой гигантский организм — и вдруг без зубов. Он целого гусака за один присест уминал, а ему великий пост устроили. На тридцать килограммов похудел!

Но Верка держалась мужественно. Да и нельзя ей по-другому. Сама же заказывала — «Если ранили друга, перевяжет подруга горячие раны его», — на том и прославилась. А слава — обязывает. Ну и любовь, конечно.

Медсестра готовила пожарнику питательные бульоны, а народец гадал, что за дьявол сидел на мотоцикле. На конструктора не грешили — не тот характер, да и на мотоцикле ездить не умеет. Перебрали мотоциклистов — может, у кого зуб на пожарника имелся. Не нашли. У Лёхи вообще врагов не было. Все понимали, что виноват нелепый случай. Ни мести, ни умысла... Но кто-то все-таки наехал.

Пока гадали да рядили, не заметили, как Лёха зубы вставил и улыбаться начал. А если пострадавший оттаял, то и другим дрожать бессмысленно. Обошлось — и слава богу.

Вот тут-то мотоциклист и проболтался. Сказал по пьяной лавочке одному. Один — другому. Услышал пятый. А десятый уже и пожарнику шепнул. И этот божий человек, который за всю жизнь пальцем никого не тронул, взял ружьецо, заявился к мотоциклисту и саданул в него глухариным зарядом из шестнадцатого калибра, а потом с повинной к дяде Васе Кирпичёву.

Мотоциклист выжил, половина заряда в мебель ушла, однако моржа нашего отправили поближе к Ледовитому океану. Передачу про него так и не показали. Никодимова специально ездила узнавать, и ей сказали, что передача запрещена и пленка уничтожена.

А Верочка Терликова осталась в гордом одиночестве. Привезла из города пластинку с песенкой Дженни и крутила целыми вечерами. Ни на танцы, ни в кино, только на работу, и то в чёрном платке, а потом и чёрное платье купила. Конструктор, от греха подальше,

сбежал в свой Лихославль или Златоуст. Другие парни тоже не отваживались. Понять их, в общем-то, нетрудно. Срок у пожарника хоть и приличный, но не бесконечный. Только пацаны бегали под окна слушать: «Там, где кони по трупам шагают, где всю землю окрасила кровь...» — военная песенка. До хрипоты пластинку загнала.

И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не жена Лёхи-пожарника. Пока Верочка на работе была, забралась через окно к ней в комнату и растоптала пластинку на мелкие кусочки, а патефон, между прочим, не тронула — женщины, даже потерявшие голову, сохраняют уважение к дорогим вещам. Да и не виноват патефон, во всем виновата песня, песня и поплатилась.

После этого Верочка за неделю собралась, уехала и адреса никому не оставила.

Плакучие ивы

Песня у Высоцкого была, где здоровенные жлобы порубили все дубы на гробы, там ещё леший поблизости промышлял и вопил своей лешачихе: «А коры по сколько кил приносил?» Я как раз и хочу спросить: что это за кора и для какой надобности лешачок таскал её, надрывался издаля?

Для еды, говорите?

Нет, что вы, кое-какого пропитания и без коры хватало: рябчиков, зайчатинки, рыжиков, боровичков — да мало ли в лесу деликатесов. Правда, козы осиную кору любят. Но я не знаю, держал ли леший козу, а если и держал, то зачем ей кору из лесу таскать, проще саму в лес выпустить, и грызла бы свеженькую, на выбор. Речь совсем о другом.

Были времена, когда за ивовую кору платили деньги, а если точнее — копейки, но в конце пятидесятых и копейкам счёт вели. Взрослые мужики этим промыслом почти не занимались, разве что в случаях, когда нищета не просто за горло брала, но и пальцы сжимать начинала. Зато у подрастающих да ранних имелась хорошая возможность заработать первые деньги.

Работёнка была не пыльная, если понимать в самом прямом смысле, — откуда в лесу пыли взяться. Но это единственный плюс, после которого тянется длиннющий ряд минусов. Ива — дерево болотное, а на болоте главный хозяин — комар, насекомое коллективное, дружное, между собою они не грызутся и всю злость для людей берегут. Кора с ивы сдирается легко, проще, чем с березы или осины. Но ведь и картошку нетрудно почистить, если уху с товарищем варить собрался, а если для пюре на полковой кухне — то-то и оно. Ободрал ствол, за второй принимаешься, а после сорок второго — сорок третий стоит. Он стоит, а тебе шевелиться надо. Потом всё, что надрал, — через кусты, по кочкарнику на дорогу вытащить, потом — до дома довести. Серьёзные пацаны искали себе участки поближе к узкоколейке. И сушить старались в лесу, чтобы легче вытаскивать было. Утром на мотовозе с рабочими — туда, вечером — обратно. Полноценный взрослый рабочий день. Без перекуров, потому что пока ещё некурящими были.

Поработает старательный парнишка пару недель на одном месте, и остаётся после него внушительная делянка ободранных деревьев. Голенькие стоят. Белым-бело. Только на кончиках веток зелёные листочки трепещут. Кажется, что ёжатся от холода. Потом стволы сереют и не так бросаются в глаза, а поначалу — жутковатая картина. Плакучими ивы совсем по другой причине называли, но когда натыкаешься на такую делянку, и перед тобой возникает скопище, напоминающее толпу скелетов с растопыренными руками... Помните, в школе учили: «Плакала Саша, как лес вырубали...»? Так и там. Только не

вырубленный, а ещё на корню, вроде как живой, но изуродованный. Правда, когда рожа пылает от комариных укусов, разъеденных солью пота, в голову даже не приходит, что с живых деревьев кожу сдираешь. Все эти жалостливые мыслишки появляются почему-то на чужой делянке. В неё и заходить-то страшновато, кажется, обступят тебя эти скелеты, сплетутся ветвями в хоровод и не выпустят...

Чтобы заработать на часы, приходилось упираться около месяца. А если захочется велосипед, то в одиночку не управиться, вот если на пару с братом, да ещё и папаня перед баней в выходные подключится, тогда и велосипед можно осилить.

Мы с Ванькой о часах ещё не мечтали, маленькие были. Ему хотелось лобзик, чтобы красивые полочки выпиливать на продажу, а я спал и видел спиннинговую катушку. Таких предметов роскоши в поселковом магазине, разумеется, не водилось, но их можно было выписать через посылторг.

Недели на две нас хватило. Откуда силёнке взяться в двенадцать лет! А упорством я и сейчас похвастаться не могу. На большое болото мы, конечно, не ездили, сшибали во-круг посёлка, но всё равно полтора-два километра в один конец приходилось отмеривать. В первый день надрали по здоровенной вязанке. Пока на опушку выбирались, выдохлись до самого доньшка. Скреби не скреби — бесполезно, сил нет. А до посёлка ещё топать и топать. И оставлять страшно — мало ли кого в лес понесёт, посёлок-то рядом. Да не всем. Рядом для того, кто с бидончиком за малиной направился, а с корьём на горбу — не очень. Судили-рядили, спорили-вздорили, и все-таки жадность победила. Ванька остался караулить, я побежал за отцом. Хотелось, конечно, щегольнуть самостоятельностью, но Ванька разнылся, а у меня не хватило характера. Батя упорство оценил, но посоветовал оставлять корьё в лесу на просушку. На другой день взяли с собой топорик, нарубили тех же ивовых жердей, оказалось, что срубленные и обдирать легче. Устроили вешала и всё, что надрали за день, оставили сохнуть.

Ночью, правда, дождик прошёлся, и всё равно — подвялилось. Рискнули ещё на ночь оставить. Прихватили по тощенькому пучку для конспирации, чтобы враги видели, что мы выносим корьё из леса. Хитрющие ребятишки росли.

Пока драли, кое-чему научились. Корьё с тонких веток сохнет быстро, но слишком усыхает. А если с толстого дерева, да ещё с комля и до самых корней снять, — тогда намного увесистей. Это Ванька у больших пацанов подглядел, какое выгоднее драть, только для выгодного — ручки покрепче наших требовались. Но мы старались. И комаров покормили. Устроили им праздник. Детская-то кровушка, наверное, поприятнее будет, не прокуренная и злостью не пропитанная.

Надрали.

Перетаскали домой.

Оставалось сдать.

Принимал корьё Архаха Киселёв. Жил он на станции, но не в путейских домах, а в деревне. Работал заготовителем. Ездил по всему околотку, скупал шкуры, сухие грибы, может, кто-то и ягоды сдавал, но наши, поселковые, возили клюкву в город — выгоднее, да и не любили его. Вроде бы и обходительный мужичок, голосок медленный, сладенький, всем улыбается, со всеми здороваётся, а народу его приветливость почему-то в тягость. Все, разумеется, знали, что Архаха, если не обвешает, так обязательно сортность занизит или обсчитает, но сторонились не только из-за этого. Что-то другое отталкивало, не запах изо рта, скорее — душонка его дурно пахла, и люди это чувствовали. А что касается умения объегорить, тут ничего не скажешь, работа такая. Но в ней он был виртуоз, ни совести, ни жалости не ведал. Кроличьи шкурки, например, требовал только с головой. А голову обдирать сплошная мука, обязательно где-нибудь дрогнет рука. Прорежешь.

А он только этого и ждёт, сразу в третий сорт списывает. Взрослых вокруг пальца обводит, а с пацанами вообще не церемонится. У кротовых шкур вроде и придраться не к чему, так принесёшь тридцать, а он двадцать пять насчитает. Вроде всё на глазах, а начнёт перетасовывать, и пяток куда-то испарился. Ручки быстрые, глазки скользкие. А на корьё для него вообще раздолье — гуляет, как Стенька Разин по Волге: то непросушку найдёт, то грязь прилипшую, то замшелость слишком густую. И весы у него, конечно, дрессированные — сколько пожелает, столько и покажут.

Но это других пацанов облапошить легко, а мы-то с Ванькой хитрые. Идём возле огородов, видим, дядя Лёша-пожарник грядки полет. У него в ту пору как раз любовь с медсестрой кипела и пенилась. Вот и решил перед законной женой оправдаться, горе её облегчить. Но у него же руки, как брёвна, и пальцы, как поленья. Для дёрганья травинок такие конечности явно не приспособлены. И нагибаться, с его животом, удовольствие ниже среднего. Кряхтит старательно, а сорняки почти не убывают. Оно и понятно: кнута в оглобли не заложишь. Ванька толкает меня в бок и говорит, давай, мол, поможем ему по-тимуровски, а потом попросим, чтобы сходил с нами корьё сдать.

С огородом меньше чем за час расквитались. Видели бы наши маманьки такую прыть, то-то бы удивились. А потом сделали бы соответствующие выводы. Но обошлось без лишних свидетелей.

Тачка с корьём была увязана ещё вечером. Мы друженько впряглись и потащили, самостоятельные огольцы. От дяди Лёши требовалось только проводить нас до склада и постоять рядышком, пока Аркаха взвешивает. Но добрый мужик посмотрел, как мы упираемся, засмеялся и велел нам ложиться на корьё, чтобы потом скопом на весы закинуть — всё лишние килограммы, хоть и весу в двух тимуровцах не больше пуда. Но это он, конечно, недооценил, так не в обиду же. С шуточками да с таким помощником не заметили, как добрались. На чужом горбу дорога всегда короче.

Аркаха посмотрел на нас, посмотрел на пожарника. Заулыбался — шире некуда. Но дядя Лёша не хуже других знал, почём эта вежливость. Он даже принаглел слегка, форса ради. Вроде как по рассеянности руку на корьё положил, пока приемщик гири на весы добавлял. Аркаха всё видел, мимо него и мышь не проскочит, однако промолчал. Несподручно волку грызть медвежью холку.

Короче, сдали. Денег получили и на лобзик, и на спиннинговую катушку, и даже на пряники осталось. Идём хохочем. Ванька на радости признался, что в каждый пучок по железному костылю подложил. Не знаю, правда железяками нашпиговал или хвастался, как обычно. На такую мину и самому недолго нарваться. Аркаха частенько заставлял развязывать пучки и, если находил что-то лишнее, сразу становился серьёзным и заявлял: «Ну что, милицию будем вызывать или сами разберёмся?» А какой нормальный пацан захочет связываться с милицией? И приёмщик с прежней улыбочкой бросал оштрафованное корьё мимо весов на свою кучу. Ванька чувствует, что я не очень-то верю его трескотне, и начинает упираться, рассказывать, как всё предусмотрел. Аркаха, дескать, шерстит корьё только у взрослых ребят, а маленьких просто обвешивает, потому что не догадывается, что и маленькие трутни горазды на плутни. Дядя Лёша хвалит его, хитрована. Ванька героем себя чувствует, а герою — награда полагается. Сворачивает к магазину пряников купить.

Рядом с магазином чайная. Туда пиво привезли. Мужики на крылечке курят. Пожарника увидели, к себе зовут по кружечке пропустить. А у того денег с собой не было. Он к нам: «Выручай, мелюзга, с полочки верну». У Ваньки карман глубокий, руку засунул, а вытащить не может. Понятное дело — очень хочется лобзиком поработать. Мне катушка тоже позарез нужна, чтобы щуку с реки выловить, но пока посылторг раскачается, реки

замёрзнут, в ноябре пришьют или в марте — разницы никакой. Получка у пожарника через две недели. А деньги у меня в нагрудном кармане рубашки, там рука не застрянет при всём желании.

Но до получки Лёха-пожарник недоработал. Случилась эта дикая история со стрельбой, и его посадили. Тут уже грех о катушке вспоминать.

Пожарника увезли на Север, а через два года утонул и Архаха Киселёв. Дом у него стоял на берегу пруда. Не ахти какие хоромы, при его-то деньгах. Поговаривали, что он давно в городе приценивается к жилью, да никак сторговаться не может. Или не хочет. С хлебного места сорваться нелегко. Пруд возле Архахиного дома старый, барский ещё. За долгие годы какого только хлама в нём не скопилось, и деревья, что на берегу росли, в него падали. С бреднем туда не сунешься, поэтому карасей много. У Архахи в пруду всё лето стояла морда. И вот пошёл утром перед работой проверить. Потянул за проволоку, но снасть зацепилась за корягу. Решил сплавать. Нырнул, а вынырнуть не смог.

Жена знала, что он на пруд собирался, но хватилась не сразу, думала, не заходя домой, на работу подался. Забеспокоилась только к вечеру. Когда искали, заодно и морду вытащили: карасей — больше ведра и все как на подбор. Место не глубокое было. Как он умудрился захлебнуться?

От дурной славы и в могиле не укроешься. Сразу же появились шуточки. Одни говорили, что нырнул Архаха, увидел богатый улов и захлебнулся от жадности, а другие уверяли, что морда пустая была, и захлебнулся мужик от расстройства, а караси уже потом со всего пруда на падаль собрались. Кстати, над самой водой росли настоящие плакучие ивы, но плакали они, конечно, не по Архахе Киселёву.

Жена его с детьми ещё до зимы в город перебралась. Хороший дом купила. Вот только сын в тёмную историю вляпался, посадили за изнасилование. Статья, конечно, скользкая, но кому-то там, Вверху, было угодно, чтобы поскользнулся на ней именно сын заготовителя Архахи Киселёва.

Уже в Сибири рассказал я эту некоузскую историю ребятам с работы, и двое мужиков стали уверять, что в их деревнях жили точно такие же заготовители, и оба плохо кончили, и что характерно, у детей жизнь наперекосяк пошла. После этого что хочешь, то и думай...

Мститель

Сейчас в школе вроде и на второй год не оставляют, не говоря уже про третий, а в наши времена у некоторых шестиклассников усы росли. Вся эта послевоенная безотцовщина не очень тянулась к знаниям, да и с чего бы, если в питании не хватало сахара, а в воспитании — ремня в твёрдой мужской руке. Но это к слову.

Учился в нашем классе Толик Южаков. Нет, не второгодник, почти отличник, на математическую олимпиаду ездил. Но олимпиада была потом, а для начала его искупали в этом самом... продукте, на который все мы перерабатываем окружающую нас фауну и флору. Короче, в сортире искупали. Заскочил первоклашка на переменке, а там второгодники махрой дымят, кольца пускать учатся, ему интересно, засмотрелся ребёнок. А те:

— Чего уставился? Чинарик ждёшь?

— Нет, — говорит, — не жду, маленьким курить вредно, они от папирос расти перестают.

Оболтусы в хохот. Видят, что мальчик домашний, паинька, значит, пора к жизни приучать. Просмеялись и спрашивают:

— А тебе вырасти быстрее хочется?

Пацанёнок доверчиво соглашается. Те ему объясняют, что без удобрений даже картошка чахнет, растолковывают как могут, на доступных примерах — без навоза, дескать, ничего не растёт. Пока Толик соображал, куда они клонят, его в четыре руки взяли за шиворот и окунули в самую гущу. Полюбовались на картинку и смылись, оставили на потеху другим. Висит перепуганный мальчишка в «очке» и едва слышно хнычет, даже громкость прибавить боится.

Утонуть, конечно, не дали. Пришли какие-то старшекласники, вытащили и отвели в учительскую. А у справедливых педагогов тоже ума палата — домой бы пацана отправить, чтобы отмыли его там да переодели, так нет, им следствие необходимо, вовремя отреагировать. Пацана опять за шкурку и повели по классам, чтобы хулиганов опознал, будто те дожидаться станут. Да если кто и не сбежал с уроков, всё равно перепуганный первоклассник никого опознать не смог. Тащат горемыку из класса в класс, как учебное пособие или наглядную агитацию, с него каплет нечто зелено-коричневого цвета и по всему пути следования шлейф сортирных ароматов тянется. Обидчиков не нашли, а жертву всей школе показали. Устроили представление. Такое кино и зрители-то не сразу забывают, а что говорить про того, кому роль клоуна досталась!

На другой день мамаша в школу пришла. Грозилась пожаловаться. А куда? Кому жаловаться? Да и на кого? На лоботрясов, которых так и не выявили? На учителей? Просидела в кабинете директора целый урок, вышла вся в слезах и смиренно отправилась восвояси. Толик по этому случаю два дня школу пропустил, а на третий выпроводили — деваться-то некуда. Образование всеобщее и обязательное.

У нас и взрослое народонаселение не слишком перегружено хорошими манерами, а откуда им взяться у пацанов. Необязательно со зла, чаще ради глупой шутки иной дурак, проходя мимо Толика, возьмёт да и закрутит носом — откуда, мол, запашок. А мальчишка терпит. Если человек не обижается, то и дразнить его неинтересно. Не сразу, конечно, но постепенно о его крещении в сортире стали забывать. Мы, но не он.

Всё помнил. Не вырвал эту занозу. Наоборот, нянчил её и холил. Но скрывал. Он вообще никогда не выпячивался. Не из каких-то там хитроумных расчётов, просто от природы незаметным был. На физкультуре стоял в середине и в игрищах наших серединки держался. В заводилы не лез, но и под мамкину юбку не прятался. А если в математике всех перещеголял, даже самых активных отличников, так опять же не потому, что старался обойти, не из кожи лез, а с такой головой родился. И когда олимпиаду выиграл, заноситься не стал — к нему с поздравлениями, а он отмахивается.

Медленно тянется школьное время, а выпускной вечер подкрадывается вроде как и неожиданно. Да и не вечер это вовсе, а целый выпускной день. Торжественная часть началась после обеда. Пока нам толкали напутственные речи и вручали аттестаты под туш, предки наши, которые в президиуме сидеть не любили, готовились к гулянке: вытащили столы в школьный коридор и завалили их разной снедью. Забавный такой натюрмортик составил. Из напитков на клеёнку выставлены только лимонад и кипяток в трех самоварах, а на закуску к ним — и селёdochка, и грибочки, и огурчики. Так что и за столом от бабкиных щедрот можно остограмниться креплённым лимонадиком, и в скверике своё припрятано было. Толик в этот день первый раз в жизни откушал. И... был один Толик Южаков, а стал совсем другой. Нет, даже не так. Поначалу, как только выпил, он вроде ещё тише сделался. Чудеса начались из-за Вовки Митина.

Что такое Митин? Да так себе, не парень, а недоразумение в брюках, в армию уходил дураком, а вернулся ещё дурнее. В любом посёлке водится порода любителей ошиваться возле массовых пьянок и клянчить, чтобы стакан вынесли, — он именно из таких.

Вышли мы на крылечко проветриться. Митин с мужиками на тротуаре топтался. Темнело уже, но Толик его высмотрел. И с разбегу, ни слова не говоря, — по роже. Мы аж остолбенели. Никогда не видели, чтобы он дрался. Может быть, первый раз в жизни человека ударил, но во вкус быстро вошёл. Пока Митин глазами хлопал, Толик и справа, и слева приложился. Мужики, что рядом стояли, вмешиваться не захотели, видно, смекнули, что за дело бьют. Мы же своего решили все-таки оттащить. Не из жалости к Митину — с чего бы его жалеть, — просто настроение недрачливое выдалось. Да и за Толика испугались, говорю же, первый раз его таким увидели. Оттаскиваем, а он брыкается, кипит весь. Утихомирили кое-как и, само собой, допытываемся, какая муха его укусила. Зачем драться с мозгляком, которого соплёй перешибёшь, — не можем понять такого геройства.

И Толик раскололся, напомнил, в чём его выкупали десять лет назад. Оказалось, что Митин был одним из той пятёрки «крёстных». Парень рассказывает, а слезы унять не может. Сам заводится и нас заводит. Градусы, конечно, тоже подогревают. Он ещё и выговориться не успел, а мы уже на благородную месть его подбиваем, на святое дело. Уговариваем срочно изловить Митина и освежить ему память таким же купанием. Жалеем, разумеется, что на месте школьного сортира разбили большую клумбу, но почти такой же скворечник остался на стадионе, значит, оттащим поганца туда и окунём, чтобы знал, как над маленькими издеваться. С Митиным разберёмся и дальше пойдём.

Кто ещё там был — пытаем Толика. А друг наш уже и сам не рад, что открылся. Никого, мол, не осталось, по большим городам расползлись все, кроме Митина и... Замолчал. Мы наседаем. Толик мнётся, мычит. И все-таки вытянули из него — был в той компании и Володька Соловьёв. Вот именно — тот самый, маяк производства. С человеком из президиума разбираться сложнее, это не какой-нибудь забулдыга, которому отвесишь оплеуху, и никто заступаться не станет, ещё и спасибо скажут, даже мать родная благодарить придёт. Соловей — другой коленкор. Он и сам бугаина порядочный, да и заступников рота набегит — желающих защитить сильного всегда предостаточно. Однако и это нас не остудило. Заяц во хмелю — смелее самурая. Кипятимся: никаких поблажек, никаких уступок, если маяк напакостил, значит, и маяк обязан ответить, разберёмся с Митиным — и прямым ходом к Соловьёву!

Сколько нас было, трое или четверо, не помню, но справились бы с любым. И, главное, всех переполнял справедливый гнев. Всех, кроме Толика. Тот уже выплеснул всю обиду, успел поостыть и нас урезонивать начал. Спасибо, мол, ребята, за сочувствие, но моих не троньте, я с ними сам разберусь. И убедил. По нашему доморощенному кодексу чести чужого врага, как чужую скотину, без разрешения бить не полагалось. Быстро загорелись и так же быстро остыли — выпускной вечер всё-таки, танцы в полные обороты, потом провожания...

Спать ложились хмельными и неразумными, а проснулись обладателями аттестатов зрелости. Сидим, значит, свежесозревшие, рассуждаем, как поведёт себя Толик Южаков, будет ли мстить Соловьёву, а если будет — какими средствами и методами. На всякий случай сходили к нему и предложили помощь, заверили, что в обиду не дадим. Да лучше бы не тревожили пацана, не бередили. Только в краску вогнали. Нос в книжку воткнул и бормочет, чтобы мы отстали и забыли поскорее о глупой выходке. Получалось, что утро действительно мудренее вечера.

Но недели через две выпили перед танцами и, как на грех, встретили Митина. Толик оторвался от нас и опять без разговоров — по сопатке. Мы не встречали — пусть парень

душу облегчит, чтобы дальше не мучиться. Драться он не умел и ударил неуклюже, по бабьи как-то, а тот придурок крутанулся юлой и — носом в землю. Толик стоит над ним и не знает, что делать. Кто-то из нас подсказал, чтобы ногой добавил. Толик послушался и пнул. Митин тут же сообразил, что отлежаться не получится, вскочил — и деру, да с такой скоростью, что на велосипеде не догонишь. Убежал, ну и ладно. Толик вдогонку пообещал ему встречу на узенькой дорожке, но мы поняли, что угроза для острастки — сколько можно один и тот же урок повторять. Посвистели вслед и затянули дружным хором: «Мы идем по Уругваю...» И Толик вроде как повеселел. Кончилась война.

Но на другой день собирались вместе в карты на пляже поиграть, а он не пришёл. Заглянул я вечером к нему, сидит кислый, разговаривать не хочет, делает вид, что к вступительным экзаменам готовится. А чего ему зубрить, когда и так любую задачку хоть по физике, хоть по алгебре на лету щёлкает.

Экзамены он сдал и не куда-нибудь поступил, а в МГУ — единственный из нашей школы за все времена. Когда из Москвы героем возвратился, с отцом событие отметил, потом вышел на улицу, отыскал Митина и набил морду.

Процедура начала приобретать болезненный характер. В сентябре, после колхозных работ, заглянул Толик домой на пару дней и устроил охоту. Подослал к Митину пацанёнка и велел передать, что кореша сгношили на выпивку и ждут его на пруду возле пожарки. Тому, дубине, заподозрить бы, с чего это вдруг они такими заботливыми к нему стали. Куда там — губищи раскатал и вприпрыжку. А возле бани напоролся на кулак. Толик, разумеется, под газом был, послонялся, наверное, по улицам, не встретил, ну и закинул на всякий случай живца, а балбес, не раздумывая, клюнул, можно сказать, на заглот взял.

На ноябрьские праздники — опять двадцать пять. Хотя Митин и прятался, но в посёлке не в столице — и клуб один, и магазинов всего три, хоть пить бросай. Кстати, о выпивке. Мне кажется, Толик и поддавал-то с единственной целью, чтобы вдохновиться на акт возмездия.

А где-то перед Новым годом дядю Васю Кирпичёва отправили на пенсию, и на его место приехал новый участковый, наш поселковый парень Андрюха Кудрявцев. Он после армии школу милиции окончил, сначала в городе служил, а в посёлок перевелся уже с повышением. Тут же выяснилось, что и Андрюха был в той сортирной компашке. Митин увидел на бывшем подельнике милицейскую форму и воспрянул. На каждом углу трещал, что Андрюха его в обиду не даст и обязательно упечёт студента. Однако участковый заступаться не спешил. Толик и при нём в каждый приезд ухитрялся подловить Митина. Да и как заступишься — не охранять же никчёмного мужичонку, бросив все дела.

Канитель тянулась до лета. Толик приехал на каникулы и, естественно, после первой же выпивки отправился совершать ритуал. Встреча случилась возле пяточка. И Кудрявцев там был, но в драку вмешиваться не стал, дал возможность отвалтузить друга детства. Зато утром заглянул к Митину домой и, пока тот не успел опохмелиться, послал в амбулаторию на освидетельствование. Серьёзных повреждений, конечно, не обнаружилось. Говорю же, что Толик драться не умел. Захотел бы человек по-настоящему отомстить, он бы в боксёрскую секцию записался или кастет раздобыл — мало ли способов. Но фонарь под глазом у Митина всё-таки засвидетельствовали. Может, Андрюха сам дружку засветил для убедительности. Но фактов на лице Митина хватило, чтобы студент МГУ отбыл к бесплатному парикмахеру, а от него — на пятнадцать суток.

Волосы к началу учебного года успевали отрасти, только вряд ли допустили бы его до занятий. О том, чтобы нужная бумага попала в университет, Кудрявцев позаботился. По его рассуждениям, выходило, что хулигану высшая математика ни к чему, для него достаточно уметь считать до пятнадцати. Митин не то что гоголем ходил — самым натураль-

ным павлином! А как же, его всю жизнь ни во что не ставили, и вдруг за обыкновенный фингал под глазом отправили студента мести улицы районного центра.

Некоторые считали, что, если бы Митин не дразнил Толика, тот бы отступился. Может быть, и так. А может, и нет. Теперь гадать бесполезно. Митин, конечно, обнаглел, почувал силу за спиной и сам начал провоцировать. Или это была болезнь? Волосы ещё не отросли, а Толик снова выпил и подкараулил... А Кудрявцев тут как тут, даже свидетелей нашёл.

Два года парню припаяли. Учился на математика — сделали «химиком». А это уже совсем другая наука, совсем другие способности требуются, и, боюсь, не нашлось их у Толика. Мать, правда, говорила, что он после освобождения поступил в Новосибирский университет. Потому, дескать, и домой не вернулся. Но тот же Митин заверял, будто его заступник по своему милиционерскому телефону узнал, что студент схлопотал новый срок. Попасть в тюрьму намного проще, чем в университет, дураку понятно. И опять же, студентам, в отличие от зеков, два раза в год каникулы положены, а Толик ни зимой, ни летом не приехал. Поэтому верили Митину, а не матери. Но радость его оказалась недолгой. Пошёл на двадцать третье февраля поздравить своего влиятельного подельника с мужским праздником. Пьянуший припёрся, но с бутылкой. А Кудрявцев его не пустил. Присел обиженный на лавочку выпить с тоски, и ... нашли его только утром, замерзшего. Глупо жил и глупо умер. Но, может, Толик потому и не приезжал, что Митина не стало и мстить больше никому? Не исключено. Но мать-то ещё жива была — мог бы и навестить. Да, видно, не так всё просто, как со стороны кажется.

Торела

Поселковый народец по наивности своей полагал, что в советской стране таких мужиков не существует, исчезли вслед за князьями, графьями и прочими пережитками. Я старателей имею в виду.

Оно и понятно, посёлок завяз в болотах, а золото, как в песне поётся, роют в горах. Но не круглый же год его там роют. Любая работа отдыха требует. И вот заявляется к нам в посёлок отпускник из Сибири, и оказывается, что он самый настоящий старатель, причём не какая-нибудь там тёмная личность неизвестного происхождения, а наш поселковый парень, с братаном моим в одном классе учился. Служил на Дальнем Востоке и после армии угадал в старательскую артель. Отстарался сезон и явился во всей красе.

Были, конечно, и чемоданищи с подарками для родни, и местные любители выпить на халяву погужевали вокруг него, ну и рассказы про диковинную жизнь и настоящих мужчин через край лились. И не только о том, как пьяные старатели кабаки потешают. Там и на другие фокусы мастеров хватало.

Взрывник у них, например, насыпал полный стакан аммонала и делал направленный взрыв. При этом стакан оставался целёхоньким, только стекло от перегрева белело, правда, потом, когда его в руки брали, он моментально рассыпался в пыль. Но это уже после аплодисментов. А другой трюкач надевал на голову лучшего друга каску или обыкновенное ведро, а потом челюстями грейфера снимал. Какая там сила сжатия, сколько тонн на квадратный сантиметр черепа, я точно не скажу, но достаточно, чтобы при малейшей неловкости голова превратилась в лепёшку.

Многие наши мужики, конечно, сомневались, особенно насчёт взрыва в стакане, но мы, пацаны, верили, слушали, вытаращив глаза. И Торела тоже верил. Правда, в то время его звали просто Куликом, потому что фамилия такая была. Торелой он стал после отъез-

да старателя, когда каждому встречному обещал и не по одному разу: «Вот поднаторею немного и обязательно завербуюсь к старателям в артель». В одном поднатореть мечтал, в другом поднатореть собирался, а в третьем вроде как и успел поднатореть — так Торелой и прозвали.

А в чём может поднатореть тракторист? С какого красивого бока сумеет показать себя? На малых скоростях фокусы не проходят. Успевают рассмотреть. Но он всё-таки придумал трюк. Правда, не без помощи артиста Крючкова. Подсмотрел, как тот на танке через канавы прыгал, ну и решил повторить его подвиг на своём тракторе. Дело-то, в общем, нехитрое: надо перед канавой нажать на сцепление, а потом резко отпустить. Да и картовые канавы на торфяном поле не очень широкие. Так что риск не ахти какой. Прыгнул — раз, прыгнул — пять. Всё гладко. Хорошо, когда себе что-то доказываешь, но хочется и других удивить. И опять же хочется, чтобы эти другие были, как бы это помягче сказать...

Короче, дождался, когда на их участок заявится директор. И на глазах высокого начальства, а если точнее — перед самым носом, распугивая свиту, подкатил трактор Торелы к канаве, замер на пару секунд, потом взревел, как бык, и спланировал на другой берег. Чётко по расчёту. Вот только приземлился не совсем удачно. Попадают на торфу зыбкие места, на первый взгляд почти незаметные, разве что чуть темнее, как пятно от бывшей лужи. Человека они выдерживают, а трактор — машина железная, с большим избыточным весом. Гусеницы гребанули под себя и зарылись. Чем сильнее Торела газует, тем глубже садится его летучий голландец, вернее — челябинец. Вылез из кабины, когда трактор уже по окну углубился. Выполз к ногам начальства, а встать стесняется. В ошметках грязи — с головы до подошв. Из блондина в негра превратился. К неграм в те годы у нас очень сочувственно относились, и тем не менее... Хотя могли бы и простить.

Кроме торфопредприятия в посёлке ещё и строительная контора существовала, вроде как независимая, со своим начальником. Но если одни власти сказали — слазьте, то и другие не подсадят. Власть, она женского рода и потому всегда с оглядкой на соседку живёт. Ну разве что из вредности может, под настроение, позволить себе поперечину, только в этом случае человек позаметнее Торелы нужен.

Прыгать научился, а прыгнуть некуда.

Хорошо, что посёлок в обжитом месте построили, в окружении трёх колхозов, а то бы пришлось манатки в дорогу паковать.

И стал Торела сельским механизатором широкого профиля, хотя старатель и объяснял, что у них в цене только узкие специалисты. Так было бы из чего выбирать.

Поставили его обслуживать зерносушилку. Для начала, чтобы себя показать, навёл хозяйский порядок на вверенном объекте, мужик-то не без рук, где капало — подтянул, где скрипело — смазал, где дребезжало — подрегулировал. И заскучал. От природы не спрячешься. Работу для рук надо искать, а голова сама себе заботы находит.

Механизмы, как люди, одни тянут общее дело не жалея сил, а другие только видимость создают. Пригляделся Торела к вентилятору, и показалось ему, что этот бугай картину гонит — шуму много, а тяги почти нет. Весь пар, как говорится, в свисток уходит. День вокруг него походил, второй, третий и... догадался, как заставить его трудиться с полной отдачей: взял и наклепал на лопасти дополнительные полосы, увеличил поверхность захвата. Операцию проводил, конечно, в вечернюю смену без главнейших врагов изобретателя — без надсмотрщиков и без советчиков. Наклепал, закрыл кожух и врубил мотор. Соображал он правильно, только не до конца. Колесо оказалось тяжеловато для движка, да еще и расцентровка получилась...

Задымил.

Заискрило.

Вспыхнуло.

А пыль от зерна загорается как порох. Была у колхоза зерносушилка и не стало. Благо сам рационализатор живым выбрался. Случись такое во времена Иосифа Виссарионовича, как раз бы к старателям и угодил, лет на десять, если не больше, но уже без отпусков в межсезонье.

Почему Торела оказался в соседнем колхозе, объяснять, полагаю, нет надобности. К механизмам его, разумеется, не подпустили, но в пастухи сгодился.

Если дурная голова ногам покоя не даёт, то ноги, наоборот, успокаивают буйную головушку. Набегаешься с кнутом от восхода до заката, все великие мысли растрясёшь. Торела даже про артель заикаться перестал. Чему там между хвостов коровьих поднатореешь? Разве что мату многоэтажному. Но мат он не уважал. Ему интеллигентным хотелось выглядеть.

Успокоился вроде мужик, а народец всё равно ждёт, какой очередной фокус он выкинет. Милиционер дядя Вася Кирпичёв возьми да и спроси от нечего делать, что, мол, Куликов, новенького придумываешь, какую очередную диверсию? А Торела выпивши немного был, ну и рассказал, что собирается внедрить на болоте нашем новый вид крупного рогатого скота. Скрестил сначала овцу с быком, потом — тёлку с бараном, а теперь, дескать, ждёт потомства, должен получиться овцебык, только он пока не знает, у какой из пар овцебычата крупнее народятся. По расчётам, животные должны быть центнера по три, как минимум. Колхоз при таких показателях сразу в передовые выберется: и по мясу, и по молоку, и особенно по шерсти. Можно будет суконную фабрику в посёлке построить, а если шкуры в переработку пустить — не только полушубки, даже целые тулупы кроить, почти без швов можно обойтись.

Дядя Вася Кирпичёв мужик, в общем-то, не вредный, но юмора, как и положено милиционеру, не понимал. Всё принял за чистую монету и во избежание греха, опять же о Тореле заботясь, поспешил к его жене. Обратите внимание, не председателю стал названивать, а, не вынося сор из избы, можно сказать, что сделал предупредительный выстрел. Но грохоту было... От криков жены в квартире стёкла дрожали. Оно и понятно — устала баба. Прожить в мире приключений десять лет и сохранить спокойный характер не каждой по силам. А тут вроде бы и в нормальную колею попали, в доме сметана появилась, мужика же опять с работы выгонять собираются.

Шум этот до председателя колхоза докатился. И очень его развеселил. Он-то понимал, в отличие от милиционера, что у быка с овцой ничего не получится, а баран с коровой ни при каких обстоятельствах не совладеет. Да и не собирался он Торелу выгонять. Желających пасти скотину найти непросто. Это горным чабанам у нас почёт, уважение и награды, а свои пастухи — люди как бы низшего сорта. Кто же станет добровольно записывать себя в низший сорт? Только если деваться некуда.

На этот раз всё обошлось. Дядя Вася Кирпичёв, чтобы неловкость загладить, позвал Торелу по грибы и свозил в самый дальний лес на служебном мотоцикле. Теперь это называется компенсацией за моральный ущерб...

И всё-таки одно изобретение Торелы принесло ему пользу. Он сделал громоотвод собственной конструкции. Выточил на токарном станке бронзовый шар величиной примерно с гусиное яйцо, насадил его на никелированную трубку с фланцем и прикрутил эту хитрую штуковину к полу рядом с диваном. Высоту трубки сделал такую, чтобы можно было положить руку на шар, не вставая. Потом припаял к громоотводу провода и вывел их на улицу, а там закрепил на ветке дуба. До рябины было ближе, но он не поленился — если уж делать, так делать с запасом прочности. И вот, как только жена принималась на

него кричать, он садился на диван и опускал ладонь на бронзовый шар. Жена бежит перед ним, мечет громы и молнии, а он молчит, прикрыв глаза. Баба захлёбывается в ругани, а он сидит как истукан, вцепившись пальцами в бронзовое ядро. И откуда ей знать, что у него в голове и для какой цели предназначена блестящая трубка с набалдашником.

Так и отвадил.

В отдельно взятом дворе

В восьмом или в девятом классе заставили нас писать сочинение на тему «Родной поселок — двадцать лет спустя». Чуть раньше Никита Сергеевич пообещал, что наше поколение будет жить при коммунизме, вот нас и нацелили пофантазировать, какой будет малая родина в светлом будущем. Весь класс друженько написал, что наш посёлок превратится в город. Юрка Батурин даже придумал, как над трубами гигантских заводов будут подниматься разноцветные дымы и окрашивать облака во все цвета радуги. Очень уж мы стеснялись своего тихого болота. Когда школу заканчивали, не помню, чтобы кто-то мечтал остаться дома: в институт, в армию, в ремеслуху — любыми путями, но в одном направлении, поближе к тем самым трубам с разноцветными дымами. Парни надеялись, что в городе они большего достигнут, ну а девицы мечтали о прекрасных принцах, которые на болоте не водятся: им снились артисты, выписывали по почте открытки с их портретами и вешали над кроватями в головах.

Через дорогу от меня жила Маринка Белоусова. На два года моложе была, но из ранних. Такая вся из себя цаца — не подступишься. На местных парней ноль внимания, фунт презрения. И вот приехал на Первомайские праздники один тип из Питера показать нам, серятине, как твист танцуют. Брючки с мылом натянутые, кок набриолиненный и коры на каучуковом ходу, хотя, подождите, к тому времени, наверное, уже на остроносые перекинулись... На питерского стилиягу поселковый люд смотрит с восхищением, а местного стилиягу держит за придурка. Своему выпячиваться не дозволено. Будь, как все, иначе заклеим и проклянем. В общем, красавица Маринка быстро оттаяла. На танцах познакомилась, а на другой день побежала на свидание, назначила, разумеется, в самом людном месте, на «линии», чтоб все увидели, какого она кавалера отхватила.

И всё бы ничего, но на дворе-то весна: не только растительность оживает, но и грязь на дорогах просыпается и буйствует. Короче, без резиновых сапог на свидание не попасть. Но это к местным недотёпам можно и в сапогах на свидание заявиться, а к заезжему кавалеру надо в самом товарном виде. И тогда Мариночка положила в сетку туфельки старшей сестры, дошла до «линии», переобулась, а сапоги под кустиком у канавы спрятала. Толпа, конечно, оценила её трюк, и приезжий понял, что ему выпала честь прогуливаться с местной королевой.

И, кто его знает, может быть, через какое-то время и получила бы Маринка питерскую прописку. Если бы не бабушка Митрохова. Пошла старушка молочаю для кроликов пощипать. Вдоль по насыпи на пригреве он быстрее подрастает. Искала молочай, а нашла сапоги. Новенькие, без единой заплатки. Не пропадать же добру...

Вернулась модница переобуться, а переобуться не во что. На другой день бабушка Митрохова сама принесла сапоги. Старуха принципиальная: коли хозяйка обнаружилась — чужого ей не надо. Только это на другой день... А когда вездеходной обуви под кустом не нашлось, у девушки случилась натуральная истерика. Всем досталось, кто рядом

оказался; она решила, что сапоги специально спрятали. Кавалер попробовал на руки её поднять, а королева ему — затрещину.

Сняла туфли и — босиком. Грязь к Первомаю ещё не успела прогреться. Но лучше уж воспаление лёгких заработать, чем парадную, да ещё и не свою обувь испачкать. Два дня из дома не выходила, но это было воспаление гордости, а не лёгких. Болели мы редко. Воздух в посёлке чистый, с городским не сравнишь, потому и росли здоровыми.

В параллельном классе с Маринкой учился Вовка Бурмистров. Недотёпой рос, что греха таить. Никто из пацанов с ним не церемонился, в игры свои не звали. Возмут, если сам напросится, но всё равно никакого толку. Учителя тоже за человека не считали, потому что учился неважно, а подлизываться не умел. Дотерпел парень до шестнадцати и устроился в гараж учеником слесаря, а потом от военкомата поступил на курсы шофёров. Но дело не в этом. Сразу, как бросил школу, Вовка заделался стилигой. Съездил в город, купил на барахолке галстук с пальмами и цветастую рубашу, а брюки заузил сам. Ходил и, не замолкая, распевал: «Марина, Марина, Марина, приди на свиданье ко мне...» Под эту песенку в те годы на танцах стилижали, то бишь танцевали, по-городскому. Особого успеха Вовка не имел, стилиять чаще всего приходилось в одиночку. Но кличка — Марина — к нему прилипла. С ней и в армию проводили.

А через год его мамочка получает толстое письмо, вскрывает — и в слезы: фотографию сынуля прислал, да не простую, а цветную, на которой красуется в шикарном драгунском мундире, а может и в гусарском, — не до тонкостей, главное, что форма сидит на парне как влитая и к лицу подходит. Потому, наверное, и взяли нашего стилигу в кино сниматься, и не в какое-нибудь простенькое, а в «Войну и мир». Отплакалась мамаша счастливыми слезами, фотографию, чтобы не помялась, вложила в старый учебник и побежала гордиться. Если хочешь быть красивым — поступай в артисты.

Удивил Марина родной посёлок. Никто ещё из наших не залетал в такие диковинные высоты. Одни ахали, другие вздыхали. Надо же, кто бы мог подумать, что из такого непутёвого толк выйдет, вот, мол, что значит в хорошие руки попасть: армию надо благодарить и строгих отцов-командиров.

А у самых завистливых на все успехи чужих детей одна поговорка — дуракам везёт. С новостями в посёлке не густо, так что эту мусолили на каждом перекрёстке со всех сторон и не по одному разу. Она и корни пустила, и ветвями подробностей стала обрастать. Были, конечно, желающие обломать эти ветви да в грязи вывалить, но не успели — сам артист в отпуск заявился.

Приехал, пусть и не в гусарском мундире, но фотографий привёз целую пачку. Расспросов было... на все отвечать — язык от мозолей одеревенеет. Кому подробности про Тихонова вынь да положь, кому о Лановом подноготную расскажи. Марина слишком не завирался, друзьями их не обзывал, но давал понять, что встречаться доводилось частенько, даже выпивали иногда за общим столом. О планах на будущее отделялся туманными намёками: обещал, мол, ассистент Бондарчука, но... как бы не сглазить. По гостям таскали из дома в дом. И на улице подносят, и на кухню милости просят.

Заглянул стилига и к Маринке Белоусовой. Она после школы ездила в медицинский поступать, но не прошла по конкурсу, вернулась домой и заполняла карточки в нашей больнице, стаж зарабатывала. Не знаю, сох ли Марина по красавице до армии, скорее всего даже мечтать боялся. Она-то наверняка его не замечала, вряд ли и помнила, каким он был. А тут сама пригласила. И артист подарил ей самую лучшую фотографию. Многие кланчили, а получила только она, единственная. И оказался этот подарок свадебным. Спелись голубки. Марина плюс Марина. Приехал в отпуск холостой солдат, а уехал женатым.

Ни в какие артисты после армии он не попал. Их там сотни, если не тысячи, в массовках снимались. Вернулся к беременной жене в родной посёлок. Не успел оглянуться, а она ему двойню принесла. А через два года и дочку состряпали, чтобы не скучно было...

Я в то время уже по Сибири путешествовал. И вот году в восемьдесят третьем приезжаю в отпуск. С утра, помню, за грибками сбегал, а вечером решил искупаться. Иду на пруд через Шанхай. Слышу, за оградой мужик с бабой скандалят. Надрывалась в основном баба, мужик сначала молчал, а потом запел: «Марина пишет, что сломала ногу. А я пишу — купи себе костыль и выходи почаще на дорогу, чтоб задавил тебя автомобиль. Марина, Марина, Марина, приди на свиданье ко мне...» Знакомая песенка. Встретать в скандал было неудобно, и я решил, что будет ещё случай встретиться и поговорить. Но они сами увидели меня и окликнули. Узнали, что я купаться направился, и дружно, будто и не собачились только что, закричали, что у них банька ещё не выстыла — давай, мол, попарься немного, а потом посидим, молодость вспомним. Тут я и понял, почему у них физиономии красные, поначалу-то, грешным делом, подумал, что распалились они, выясняя отношения.

Короче, уговорили. Пока я хвостался веником, на столе появилась скатерть, а на скатерти — чем богаты: грибочки один к одному, сальцо копчёное, чехонь жирнющая, ядрёный квас из погреба и настоечка в графине. В посёлке не принято закуску от гостей прятать.

Выпили по рюмашке.

Маринка так в больнице и прижилась, сестрой-хозяйкой назначили. Оттуда и спиритик: что сэкономила, что скоммуниздила. Зарплата не очень большая, но жить можно не хуже врачей, если хозяйство своё имеешь.

Выпили по второй.

А чего ругались-то, спрашиваю.

Они смеются. Утром Марина завёз жену на колхозное поле, чтобы нарвала вико-овсяной смеси для кроликов, а сам поехал в район. Договорились, что мешки она спрячет под кустами и вернётся домой, а он на обратном пути их прихватит. В районе, пока экспедитор подписывал накладные на их груз, подвернулась шабашка. Нежданно-негаданно заработал центнер комбикорма для свиньи. Ну и забыл на радостях про траву. Да и Маринка не сразу хватилась. Только в бане, когда мужик заигрывать начал, вспомнилось некстати... Рассказывают, друг друга перебивают и закатываются от смеха.

Выпили по третьей.

Вышли свежим воздухом подышать. Дверь гаража открыта была, там два мотоцикла: один — не старый, второй — совсем новенький. В сарайке корова сопит, чушка хрюкает. Дом в резных наличниках, как терем расписной. Хозяева от спиритика разомлели, стоят в обнимочку...

И вспомнилось мне, глядя на этих Марин, как писали сочинение на тему «Родной посёлок — двадцать лет спустя». Вот вам, пожалуйста, любуйтесь — коммунизм в отдельно взятом дворе.

Странный гость

Не знаю даже, как подступиться, с чего начать, всё как-то зыбко в этой истории. Впрочем, на болоте всегда и зыбко, и таинственно, а случилось это на болоте.

Прилетел в отпуск маманю проведать. Неделю отгостил. Собрался по грибы. Лето сухое стояло, так что не столько на добычу, сколько по лесу побродить, соскучился по родным осинкам, старею, наверное.

Вечером с товарищем засиделся, проспал, выбрался из дома перед обедом, торопиться вроде нет смысла, но на выходе из посёлка встретил мужичка. Я — по грибы, а он уже с грибами. Издалека видно, что человек тяжёлое несёт. В одной руке бельевая корзина, в другой — палка типа посоха. Меня, естественно, любопытство защекотало. Сворачиваю наперерез, присматриваюсь: в посёлке хотя бы в лицо, но, кажется, всех знаю. Может, подзабыл, думаю, или за время моих путешествий новосёл прижился. Но вид очень непривычный для наших мест. Здешние, пусть не регулярно, но всё-таки бреются, а этот — с бородёнкой и одет в длинную, чуть ли не до колен, рубаху навывпуск, выгоревшую аж добела и веревочкой подпоясанную. Возраста за волоснёй не разглядишь — тридцать ему или сорок, но не старик, глаза совсем молодые, и не сутулится, хотя высокий, сухой. Старика бы давно годы согнули, а здесь чувствуется, что мужик ещё в силе. Короче, если бы раньше встречал, обязательно запомнил.

Поравнялись. Заглядываю в корзину. А там... одни мухоморы.

Молоденькие.

Крепкие.

Ядовито-красные.

Ты что, кричу, с ума сошёл?! А он смотрит и молча улыбается, по-доброму так, отечески, вроде как успокаивает меня, чтобы крыша с перепугу не поехала. Выкинь, говорю, немедленно и руки с мылом вымой. Я на крик срываюсь, а он смотрит ласково и молчит, но я слышу — нет, мол, не бойся, ничего не случится. Потом достаёт из корзинки самый красивый мухомор и протягивает. А мне что оставалось делать? Блаженного обижать грешно. Взял у него красивую поганку, сказал спасибо и потопал, ускоряя шаги. Потом спохватился. Нет, думаю, надо отнять и выбросить, да ещё и растоптать, чтобы не собрал. Кто там — Ницше или Шопенгауэр — учил, что добро должно быть с кулаками? Оглядываюсь, а на дороге — никого. Успел куда-то свернуть. Я ещё подумал: не спрятался ли. Но с чего бы вдруг?!

Кстати, пару казусов с ядовитыми грибами мне уже довелось наблюдать.

Тогда ещё отец жив был. Сидим возле дома на лавочке, философствуем. Смотрю, одноклассник идёт. Тоже отпускник, только не сибирский, а питерский. Лет десять не виделись. Как тут мимо просквозишь, завернул перекурить. Ведро с грибами в тенёк поставил. Но похвастаться, что белых насшибал, не забыл. А батя, первый грибник в посёлке, днём раньше протопал по всем своим козырным местам и вернулся с десятком сыроежек. Тяжелее удара по самолюбию придумать трудно. Подхватывается с лавки — и к ведру. Посмотрел, вздохнул и говорит:

— Орёл, утёр деревне нос, хорошие грибы, только здесь не Питер, скорую помощь не вызовешь, а до районной больницы успеют ли довести, не знаю.

Одноклассник такого юмора не понимает. Я — тоже. Отцу приходится объяснять, что не белых грибов он набрал, а сатанинских. Тут же опрокинули ведро на мостки, хотели рассортировать, а там сплошной сюрприз, сыроежки питерский гость из пижонства не брал. Батя для вида сочувствует, но видно, что доволен — и человека от смерти спас, и репутация великого грибника не пострадала.

Потом, года через два, опять же в родном посёлке, подхожу к лесу и на опушке нахожу горку аккуратно обрезанных сатанинских грибов. Кого везунчик встретил, кто его вразумил? И тоже, наверное, похвастаться решил. А почему бы и нет — сколько радости было, когда находил, срезал, любовался, уверенный, что держит в руках настоящий белый гриб.

И вдруг такое разочарование. Но здесь уж, как говорится, красивый кус, да повезло, что мимо уст. Хотя их действительно легко спутать. На первый взгляд, как близнецы-братья. Вот только на срезе мякоть у ядовитого синее. Но опять же и у подосиновика похожая история... Короче, коварный подарочек природы, потому сатанинским и называется. Мухомор по сравнению с ним безобиден, даже ребёнок знает, что его брать нельзя, каким бы красивым ни был. Мухомор — поганка честная. Но нашёлся-таки блаженный, насобиравший полную корзину. И самое странное, что на дурачка-то он не похож: лицо умное, взгляд ясный...

Побродил я по лесу, грибов совсем не нашёл. Решил земляники матери принести, чтобы пустым не возвращаться. Землянику брать муторно, сами знаете. Щиплю по яголке, а мужик с мухоморами из головы не идёт. Очень уж странный товарищ, если не сказать, что подозрительный.

Возвращаюсь в посёлок. И знакомый рассказывает про точно такую же встречу: увидел человека с грибами, заинтересовался, потом пытался вразумить его, что мухоморами можно отравиться, а тот лишь улыбался в ответ. И не он один его встретил, нас таких больше десятка набралось. И, что характерно, все встречи случились почти в одно время, но в разных местах, в разных закоулках — от кирпичного завода до барского сада. Бродил человек какими-то непонятными, необъяснимыми зигзагами, словно блуждал или искал кого-то, но хотел найти сам, ни у кого не спрашивая. Это мы один за другим лезли к нему с предупреждениями, учили, какие грибы можно брать, а какие — нельзя. Одни поделикатнее, другие нахрапом, а он ко всем — с одинаковой улыбкой. Мы его пугаем, а он нас успокаивает. Пацаны гамузом бежали за ним два переулка, и смеялись, и дразнили, даже собаку пытались науськать. Другой бы палкой шуганул, а этот терпел.

Встречали многие, но никто не видел, откуда он появлялся и куда исчезал. Я даже на вокзал не поленился прогуляться. Расспросил кассиршу, с уборщицей поговорил. Нет, не приезжал, не уезжал.

Взять, к примеру, летающие тарелки: сколько о них говорят, но все повторяют чужие бредни, вычитанные в газетах, ведь ни один нормальный человек не станет утверждать, что он видел своими глазами летающую тарелку. Странник — другое. Странника видели не испорченные газетами люди, причём — трезвые. Сам я лицом к лицу перед ним стоял.

Что хочешь после этого, то и думай, строй любые догадки. Кто это был? Зачем он явился к нам с корзиной мухоморов? Может, какой знак подать хотел?

Не знаю.

Думайте сами.

Вы люди умные.